

— У меня всё прекрасно, правда, просто замечательно, — сухо рассмеялся Сюэ Сэнь. — О, кстати, Янь-ван сегодня днём вызывал меня. Он провёл со мной очень душевную воспитательную беседу. Я действительно осознал свою ошибку. Я готов встать на путь исправления... я изменюсь, перерожусь.

— Будь спокоен, я больше не стану тебя беспокоить.

— Желаю вам... Желаю вам долгой совместной жизни. Нет-нет, желаю вам вечной любви.

Ши Сяо: «...»

Он, ошарашенный, положил трубку.

Хотя Сюэ Сэнь всё изложил ясно, и, учитывая ту историю в больнице, его заблуждение насчёт их отношений было объяснимо.

Но... почему не покидало чувство, будто что-то здесь не так?

Ши Сяо с недоумением смотрел, как Янь-ван, ухватив свою маленькую подушку и одеяло, недовольно улёгся на диван спиной к нему, и от него так и веяло загадочной аурой обиженности.

«...»

Ши Сяо энергично потряс головой, подумав, что Янь-ван просто не может быть обиженным.

Наверное, ему просто показалось!

Покачав головой, он вернулся в спальню и ещё долго взирал на потолок с тем же ошеломлением, размышляя, кто бы мог поверить, что один из десяти Владык Преисподней сейчас спит у него в гостиной.

Жизнь — удивительная штука.

С ощущением полной нереальности происходящего Ши Сяо уснул и проснулся лишь ближе к десяти утра.

Он потрёл свои взъерошенные мягкие волосы и, едва открыв глаза, погрузился в привычные заботы о хлебе насущном, размышляя, разрешит ли ему сегодня Янь-ван сходить на подработку в массовке.

В этот момент зазвонил телефон; на экране светился номер городского телефона.

Ши Сяо, не пришедший в себя от изумления, взял трубку:

— Алло, здравствуйте, скажите, пожалуйста...

— Здравствуйте, это Ши Сяо? — раздался на другом конце провода собранный женский голос.

— Режиссёр Ян Чжо просит вас сегодня в три часа дня прибыть на кинопробы по адресу: Киногородок Н, улица Близнецов, корпус В, офис 702, филиал компании «Луаньюй Энтертейнмент». Фрагмент для проб будет вскоре отправлен на вашу электронную почту, просьба проверить.

Ши Сяо: «...»

Цзи Луань поднялся с нуля: начинал с чёрной работы на съёмочных площадках и за двадцать лет собственными руками создал «Луаньюю Энтертейнмент» — одну из ведущих компаний в мире развлечений, став влиятельнейшей фигурой, чьё слово в этой сфере стало законом.

С тех пор как более десяти лет назад он прочно утвердился в индустрии, никто не смел ему угрожать.

Ни единой души.

Но этот молокосос осмелился шантажировать его записями с камер наблюдения из отеля!

После инцидента Цзи Луань уже распорядился удалить все записи с камер того отеля, но у этого подлеца Сюэ Сэня копия осталась. Это означало, что тот действовал не спонтанно, а по заранее обдуманному плану.

Цзи Луань прищурился, и на его лице появилась неискренняя, растянутая улыбка:

— Хорошо. Я согласен. Но один вопрос меня очень интересует. Раньше ты без колебаний уступил мне этого малыша, а теперь готов на всё, чтобы ему помочь... Я не совсем понимаю твою мотивацию. Не просветишь ли?

Сюэ Сэнь: «...»

А потому, что никакой мотивации у него и не было. Его просто приперли к стене.

Он сглотнул горькую слюну, а внешне изобразил глубокое раскаяние: поник, уронил голову на руку, и глаза его мгновенно наполнились влагой:

— Потому что... я сожалею.

— Я пожалел ещё той ночью.

— А на следующий день, когда узнал, что с Ши Сяо случилась беда... мне стало мутно до тошноты.

— Я был последним негодяем! Чуть не погубил Сяосяо, — думал Сюэ Сэнь о том, как Янь-ван припер его к стенке, поставив в невыносимое положение, и раскаяние его было подлинным, а слёзы — искренними. — Я знаю, что был неправ. Я... я хочу лишь загладить свою вину. Человек совершает поступки, Небеса взирают, и за дурные дела, за попорченную совесть непременно последует расплата.

Вся речь Сюэ Сэня, кроме последней фразы, была откровенной ложью, но именно эта последняя фраза звучала от всей души.

Однако Цзи Луань, услышав это, воспринял слова как намёк в свой адрес, и лицо его на мгновение потемнело:

— Какой же ты, однако, «преданный и благородный».

— Ладно. Если ты гарантируешь, что Ши Сяо не станет болтать лишнего, я предоставлю ему этот шанс. Но если эта история просочится наружу... последствия тебе известны.

— Непременно, непременно, — внутренне Сюэ Сэнь чувствовал себя так, будто хлебнул полынной горечи, но внешне старался сохранять вид глубоко раскаявшегося человека. — Э...

господин Цзи, пожалуйста, не говорите Ши Сяо, что это я к вам обращался. Он по натуре очень добрый, и если узнает, что получил шанс благодаря моим угрозам, то наверняка откажется.

Цзи Луань холодно кивнул:

— Проводите гостя!

Тому, что Сюэ Сэнь действовал за спиной Ши Сяо, он верил.

Цзи Луань всегда был осторожен и никогда не брался за дело, не будучи уверенным в результате. Всякий раз, заметив свежее личико, он поручал своим людям изучить потенциального объекта со всех сторон, дабы удостовериться, что тот робок, наивен и легко управляем. Лишь тогда он делал шаг. Поэтому за эти годы он содержал нескольких юных актёров, но все отношения завершались полюбовно, без скандалов, и ни один намёк на них не просачивался в публичное поле.

Приглянувшись к Ши Сяо, он распорядился собрать о нём подробную информацию и узнал, что тот — тихоня, добрейшей души человек, в житейских вопросах и вовсе похожий на святого... В тот момент он даже удивился: неужели на свете ещё остались такие люди?

При его положении и состоянии больше всего он боялся стать жертвой интриг, и потому Ши Сяо с его чистым сердцем казался ему идеальным, желанным человеком. Тогда у него даже мелькнула мысль содержать его на постоянной основе.

Если, конечно, Ши Сяо согласится.

Цзи Луань содержал многих юных актёров, но всегда по взаимному согласию. В тот раз он через помощника намекнул Сюэ Сэню, но тот даже не попытался уговорить Ши Сяо, а просто напоил его и доставил прямиком в его постель. Из-за этого он, всю жизнь соблюдавший осторожность, едва не угодил в ловушку.

Чуть не погубил свою репутацию.

Цзи Луань зажёл сигару, подошёл к окну и, хмуро наблюдая, как Сюэ Сэнь удаляется, набрал номер помощника:

— Передай всем: отныне любая компания, которая осмелится нанять некоего Сюэ Сэня, станет врагом «Луаньюй Энтертейнмент».

— Слушаюсь.

Положив трубку, Цзи Луань немного успокоился и лично позвонил режиссёру Ян Чжо — пробы на роль третьего плана и так были назначены на сегодня после полудня, добавить одного человека в список соискателей было делом одного слова.

К тому же, эту роль он изначально приберегал для своего нового фаворита. Пусть Ши Сяо пока и не принадлежит ему, но... время терпит.

Кто знает, что будет в будущем?

Режиссёр Ян Чжо, приняв звонок, невольно нахмурился.

Хотя за эти годы он почти привык к тому, что инвесторы в последний момент подсовывают своих кандидатов, но как режиссёр, неуклонно придерживающийся принципа «искусство

превыше всего», он всё же испытывал досаду.

Помощник распечатал и подал Ян Чжо материалы Ши Сяо, переданные по факсу от лица господина Цзи.

Ян Чжо, хмурясь, бегло пробежал глазами по листу. Лицо вроде подходило под роль. Фильмография... что это вообще такое? Работа в массовке? Роли слуг и тюремщиков?

И с таким багажом — на роль третьего плана?

Инвесторы совсем с ума посходили!

Хорошо ещё, что господин Цзи не стал напрямую его утверждать. На пробах можно будет найти предлог и отказать.

Подумав так, Ян Чжо бросил листок с данными Ши Сяо на стол и распорядился помощнику:

— Позвони ему, пусть сегодня в три часа является на пробы. Фрагмент для проб тоже вышли. Всё остальное — по первоначальному плану.

— Хорошо.

Ян Чжо был известен в кругах как дотошный и строгий режиссёр. Из-за проблем с актёрской игрой он не раз доводил до слёз и юношей, и девушек. В подборе актёров он, естественно, также был чрезвычайно придирчив, и первым критерием было максимальное внешнее и внутреннее соответствие актёра персонажу.

Блестящий актёрский талант, конечно, может полностью преобразить человека, но в наши дни такие мастера встречаются редко. Особенно среди молодых актёров: если характер роли сильно расходится с их собственным, игра часто получается неестественной.

Поэтому трое актёров, предварительно отобранных Ян Чжо, внешне выглядели милыми, а по характеру — кроткими и добрыми. По крайней мере, такими они представляли перед публикой.

А чтобы разглядеть подлинный характер человека, лучше всего наблюдать за его повседневным поведением.

И потому в три часа дня Ян Чжо не появился в назначенном для проб месте, а намеренно «опоздал» на полчаса.

В течение этих тридцати минут он сидел в комнате наблюдения, украдкой следя за каждым словом и движением трёх отобранных кандидатов.

Что же до того статиста, которого навязали инвесторы... если бы была возможность не смотреть, он бы и взглянуть не стал.

Но по мере того как время текло, взгляд Ян Чжо постепенно менялся.

Получив звонок о пробах, Ши Сяо пребывал в полном недоумении.